
Бразилия — больше, чем футбол

Предлагаем вниманию читателей интервью, которое недавно дал радиостанции «Столица FM» главный редактор нашего журнала В.Е.Травкин.

Собеседники говорят о современной Бразилии, ее истории, экономике, культуре, ее людях, успехах и проблемах, возрастающей роли этого тропического гиганта в современных мировых процессах.

Ключевые слова: противоречия развития, прагматизм, социальные программы, соревнование между левыми.

Медведев. Добрый вечер. Это программа «Археология», в студии Сергей Медведев*. И говорить мы будем сегодня... Нет, не о футболе. О нем сейчас говорят все: на месяц наши уши и глаза, кажется, заняты этим действием. Но мы поговорим о стране, которая, собственно, организовала этот праздник. И мне кажется, что сейчас очень хороший повод побеседовать о Бразилии.

Мы постараемся избежать темы нынешнего чемпионата мира, потому что по этому поводу много будет сказано и без нас. Но думаю, что сейчас невероятно интересный момент, когда мы видим совершенно фантастические картины: с одной стороны — праздник чемпионата мира, с другой — многотысячные протесты, и в какой-то момент миллионы людей в Бразилии выходили протестовать против этого самого чемпионата. С одной стороны, фантастические картины модернизации Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу; огромные инвестиции в инфраструктуру. С другой — бедность, фавеллы. Что мы знали о Бразилии лет 20 тому назад? Существовали расхожие советские стереотипы: страна, где много диких обезьян, все эти телесериалы с фазендами и, конечно, футбол — Пеле, Гарринча. Вот, собственно, и все.

И вот неожиданно за эти 20 лет появилась страна-гигант, которая сейчас занимает половину нашего эфира, половину нашего сознания. Об этой стране мы пригласили поговорить нашего сегодняшнего гостя — главного

* Сергей Александрович Медведев — политолог, профессор Высшей школы экономики.

редактора журнала «Латинская Америка» Российской академии наук Владимира Евгеньевича Травкина. Добрый вечер.

Травкин. Добрый вечер.

Медведев. Начну с цитаты бразильского президента Фернанду Энрике Кардозу: «Бразилия — это тропическая Россия». Действительно ли между, казалось бы, столь разными странами есть какие-то сходства?

Травкин. Я должен уточнить эту фразу. Он сказал ее в интервью нам. Из этой фразы у вас выпало одно слово «Бразилия — это *большая* тропическая Россия». Это говорит о том, как почти два десятилетия назад один из виднейших политических деятелей, ученый, экономист смотрел на нашу страну. И он, конечно, был прав в одном: у нас много общего с Бразилией. Хотя в то время, когда он произносил эту фразу, Россия была, конечно, не в лучшем состоянии. Я тогда подумал, что мы встретимся когда-нибудь с Бразилией, но Бразилия будет подниматься из третьего мира в первый, а Россия будет опускаться из второго в третий. Значит, на этой лестнице, ведущей вниз, мы можем встретиться. К сожалению, многое из этого произошло, но, к счастью, не все.

Поэтому говорить о том, что мы похожи с Бразилией, мы сейчас можем. За последние десятилетия Бразилия достигла огромного прогресса, и она старается выходить из состояния хоть и очень большой, и очень богатой природными ресурсами страны, но отсталой. Еще в середине прошлого века бразильцы поставили перед собой задачу выйти на мировую арену достойно. И сделали это: они участвовали во Второй мировой войне на стороне антигитлеровской коалиции, бразильский экспедиционный корпус воевал в Италии против немцев, и мы были союзниками. Но есть такая интересная деталь: в Рио-де-Жанейро стоит памятник, посвященный той войне, но там представлены все, кроме Советского Союза.

Медведев. Почему?

Травкин. А вот Бог их знает. Видимо, хотели этим сказать, что они «большая тропическая Россия».

Медведев. Могут себе позволить.

Травкин. Да.

Медведев. Давайте посмотрим на эти исторические параллели. Вы говорите, что Бразилия еще одна сырьевая держава. Там сахар, соя, кофе... Но в отличие от нас она сумела избавиться от сырьевой зависимости. Или это по-прежнему основная составляющая?

Травкин. Дело в том, что нельзя сказать, что Бразилия окончательно избавилась от сырьевой зависимости.

Медведев. Я уж не говорю про руду, золото, алмазы.

Травкин. Да. И про драгоценные камни. Вообще Бразилию называют «шкатулкой с драгоценностями» из-за ее природных богатств. Но, безусловно, прогресс налицо. Скажем, самый продаваемый среднемагистральный пассажирский самолет — это бразильский «Embraer».

Вот такой пример. Как-то мне довелось ездить в Венесуэлу в составе группы представителей бизнеса и журналистов. Во главе этой группы был Игорь Иванович Сечин, тогдашний вице-премьер-министр. Его личный самолет — «Embraer». Это очень интересный факт. Но вот что я вам должен сказать о пропорции между сырьевыми делами и высокотехнологич-

ными. Ведь тут мы в какой-то степени конкуренты с Бразилией. Так вот, на мексиканском рынке, а это одна из трех великих латиноамериканских стран, наш «Sukhoi Superjet» победил. И мексиканцы купили десяток этих машин, а бразильцы не смогли продать им свои самолеты. Наш оказался более современным, более технологичным. Мы предложили более выгодные условия. Вот в какой-то степени ответ на этот вопрос.

Медведев. А когда начался этот технологический рывок Бразилии? Уже в 90-е? При Луле или раньше, при Кардозу?

Травкин. Это происходило постепенно. Бразилию попытались развивать еще военные режимы — диктаторские, довольно суровые.

Медведев. Давайте напомним: они существовали примерно до 1995 г.?

Травкин. Это конец 80-х годов. Это рубеж, когда диктатура заканчивалась, пришли демократические правительства, затем — Кардозу. Я уже говорил, что это видный экономист, он получил то, о чем мечтают все экономисты и социологи, — власть, которая позволяла ему реализовать свои теории. Он представлял социал-демократическую партию. Это о многом говорит. Кардозу предложил план модернизации, интересный план приватизации, предложил сочетать это с довольно сильной социальной политикой. Вот — социал-демократия, вот — экономические реформы, вот — попытки решить социальные проблемы. Но ему удалось не все.

Медведев. Либерализации в духе Пиночета и «чикагских мальчиков»? Подобных экспериментов в Бразилии не было?

Травкин. Нет.

Медведев. Там изначально была заложена сильная социальная компонента?

Травкин. Да, конечно. Скажем, последние два десятилетия прошлого века и начало нынешнего характеризуются именно этим. Конечно, сравнивать то, что делали бразильцы, с тем, что делал Пиночет, трудно. Пиночет не сделал того, о чем говорили. «Экономическое чудо» Пиночета — миф. До тех пор, пока США его поддерживали и подпитывали деньгами, это давало какой-то результат, но как только американцы поняли, что от него больше вреда, чем пользы, они его бросили, и умер он, если не под судом, то будучи освобожденным от суда с диагнозом «старческое слабоумие». Ничего подобного нельзя сказать про бразильских лидеров. Но интересно, что последнее время конкуренция там происходит между левыми, очень левыми и не слишком левыми, начиная с Лулы.

Лула пришел к власти 12 лет назад, в 2002 г. Он — очень интересный человек: бывший рабочий-металлист, очень популярный профсоюзный лидер, создатель Партии трудящихся, которая выступает под красным знаменем. В 80-е годы я встречался с ним в Мексике, когда эта страна проводила активную внешнюю политику и иногда проводила встречи разных политических партий на своей территории. На одной из таких встреч в мексиканском городе Пуэбле я и познакомился с Лулой, когда он еще не был президентом, но уже был многообещающим лидером. Во время беседы делегации КПСС с делегацией бразильской Партии трудящихся Лула мило улыбался, но ничем особенно нас не увлекал.

Медведев. Она считалась братской партией?

Травкин. Нет, с ней у нас не было межпартийных отношений.

Медведев. Была же еще и компартия Бразилии?

Травкин. Конечно. Был Карлос Престес, который долгое время жил в эмиграции в Советском Союзе, и отношения поддерживались по этой линии. С Лулой только: «Здравствуйте». «Здравствуйте». Ничего серьезного не было. Но потом он сделал очень успешную карьеру и многого добился. В тот момент, когда Лула пришел к власти, у Бразилии были серьезные перспективы подъема, но она еще была очень бедной. И одной из главных задач являлась борьба с голодом: «Голоду — нет!» — таков был лозунг Партии трудящихся. И за 12 прошедших лет Лула и его преемница Дилма Руссефф добились того, что бедность существенно сократилась. Социальные программы, которые они проводили, дали ощутимый результат.

Очень интересное сочетание: сильная социальная политика с привлечением значительного числа предпринимателей, людей с большим опытом управления конкретной экономикой. Лула вообще пришел к власти на волне народной популярности, т.е. на голосах бедняков, но и на голосах предпринимателей, которые весьма лояльно были настроены к нему и его патриотическим лозунгам.

Медведев. Предпринимателей крупных или средних?

Травкин. И средних, и крупных, и мелких. Это началось еще со времен Кардозу: в Бразилии последовательно поддерживали мелких и средних бизнесменов. В чем-то преуспели, в чем-то — нет. Но важно еще вот что: Лулу поддерживали военные, которые, как многим казалось, были основной угрозой для левоцентристского режима — ведь они были у власти в течение многих лет. Это обеспечило сравнительный успех того, что делал Лула. И его, можно сказать, правая рука Дилма Руссефф в качестве министра правительства тоже принимала участие в проводимой Лулой политике. Дилма — человек с большой биографией.

Медведев. Нынешний президент.

Травкин. Сейчас заканчивается первый срок ее президентства. Дилма — дочка болгарского эмигранта, видного деятеля болгарской компартии. На самом деле ее фамилия Русева. И ее отец, несмотря на то, что был одним из лидеров компартии, еще в царские времена (в царские для Болгарии, естественно) стал в Бразилии весьма успешным предпринимателем. С одной стороны, Дилма получила очень хорошее образование. С другой — участвовала в партизанском движении и даже была под арестом, подвергалась пыткам. У нее очень интересная, героическая биография. И вот сейчас она у руля в Бразилии.

Медведев. Это совершенно удивительная череда интереснейших лидеров-реформаторов Бразилии — Кардозу, Лула, Дилма Руссефф. Там существует очень сильная политическая конкуренция, происходит здоровый отбор. То, что наверх поднимаются такие сильные модернизационные лидеры, является следствием демократической культуры?

Травкин. Безусловно, это отражение очень интересного процесса, происходящего в Бразилии последние 500 лет. Это страна, где живут представители самых разных культур, разных цивилизаций, начиная с аборигенного населения, называемого «индейским» с легкой руки Колумба. Это — племена, которые жили на обширной территории до прихода португальцев. Но Бразилия отличается от всей Латинской Америки еще и тем, что ее жители говорят по-португальски, а не по-испански. Христианская цивилизация пришла туда из Португалии. Все ценности, которые исповедовала и

проповедовала христианская церковь, имели португальский акцент. Португалия в свое время была очень бурно развивающейся колониальной империей, она захватила огромные территории не только в Америке, но и в Африке, и в Азии. В Индии до сих пор есть ее бывшая колония — Гоа.

Медведев. И в Индии, и в Китае — Макао

Травкин. Флаг португальского королевства развевался почти над всем миром. Португальцы — очень интересные люди, они сами боролись за независимость от Испании. Это второй вклад, а первый вклад — индейский.

Медведев. В бразильское разнообразие.

Травкин. Еще важно отметить, что в Бразилии было очень большое количество черных рабов, ввезенных из Африки, черная кровь обогатила культуру страны.

Медведев. Я был в Бразилии, Аргентине и Уругвае и обратил внимание, насколько бразильцы темнее, чем аргентинцы. После Бразилии приезжаешь в Аргентину — там просто белолицые европейцы. В Бразилии очень силен этот черный компонент.

Травкин. Это правильное замечание. Аргентина наряду с Чили и Уругваем — самая европейская с расовой точки зрения, там много эмигрантов из Европы, там не так сильны негритянский и индейский мотивы. Но нужно сказать, что и в Бразилии живет большое количество европейцев. Есть целые регионы, населенные немцами, есть регионы, где достаточно большое славянское население, выходцы из балканских стран, из того, что называлось в свое время Югославией. В Бразилии много евреев из бывшей Российской империи. Это такой конгломерат разных наций, а, как известно, смешение часто дает очень хорошие результаты.

Медведев. Я не могу припомнить в Бразилии сильного геноцида индейцев. Мне кажется, что в Аргентине истребили гораздо больше местного населения, а Бразилия была таким плавильным котлом.

Травкин: Это объясняется тем самым португальским элементом.

Медведев: Более мягкая по сравнению с испанцами колонизация.

Травкин: По сравнению с испанцами португальцы — более мягкая империя. Это своеобразно отразилось на истории еще XIX в., когда все страны Латинской Америки завоевали независимость, в самой Бразилии империя сохранялась до начала 1890-х годов, и связи с Португалией оставались очень сильные. Республиканская традиция там зародилась в конце позапрошлого века. Эти аспекты очень важны для понимания того, что происходит в Бразилии сейчас. Как и то, что захваченная португальцами территория современной Бразилии была огромной, но число колонизаторов было сравнительно небольшим.

Медведев. Мы говорим о Бразилии не только потому, что она сейчас является хозяйкой чемпионата мира по футболу, но и потому, что это удивительная страна, чья траектория, в общем-то, чем-то напоминает российскую. Это тоже большая держава, страна с сырьевыми колониальными товарами, страна, в которой долгое время было рабство. Мы пытаемся найти исторические параллели и понять, откуда появилась такая гигантская, растущая и в то же время свободная, демократическая Бразилия. Владимир Евгеньевич, мы начали говорить о том, что португальская империя была довольно мягкой, и она не давила...

Травкин. Сравнительно мягкой.

Медведев. Да, все-таки были более мягкие империи, например, Австро-Венгрия.

Травкин. Все равно завоевание было и крестом, и мечом.

Медведев. Да. Думая о Бразилии, видишь, что в ней действительно есть какая-то мягкость: в португальском языке по сравнению с испанским, в бразильской музыке, капоэйра — не боевое искусство.

Травкин: Тем не менее это все же именно боевое искусство, а не только танец бывших рабов.

Медведев: Да, но с бразильцами ассоциируется невероятная тягучесть, мягкость, плавность. Бразилия даже по сравнению с соседями по континенту более плюралистичная. Там изначально была более демократичная культура, столько рас, столько рабов, может быть, федерализм был там сильнее?

Травкин. Плюралистичная — да, демократичная — не очень.

Медведев. Нет?

Травкин. Федерализм — да, сейчас это федеративная республика, так же, как и Россия. В разговорах на уровне правительства, президентов, губернаторов штатов бразильцы все время подчеркивают, что их богатство — в разнообразии, что они могут сделать многое, если поймут людей, отличных от себя, и смогут воспользоваться тем опытом, который получали отдельные представители народов Бразилии в ходе своего развития. Это один из ответов на вопрос, почему им удается что-то из того, что они затевают.

Конечно, благостные картины рисовать не нужно, потому что проблем достаточно. Так, во время чемпионата мира и за несколько месяцев до него в Бразилии прошла волна протестов, даже некоторые говорят, что против футбола. Конечно, бразилец не может протестовать против футбола, это — национальная игра. Манифестации были против излишних трат на проведение таких огромных мероприятий, как чемпионат мира или будущие Олимпийские игры. Проводились параллели с тем, что мы делали в процессе подготовки к Олимпиаде в Сочи.

Медведев. Из России, конечно, удивительно смотреть, как в Бразилии выходят сотни тысяч и требуют: «Уберите от нас этот чемпионат, уберите от нас Олимпиаду».

Травкин. Тут надо иметь в виду одну очень важную деталь. Таких массовых протестов не было даже при военной диктатуре. Генералы, конечно, не очень позволяли подобные вещи. Как говорит сама Дилма, и, наверное, это правильно, протестные выступления, выражающие волю народа, мнение довольно большого количества людей, возможны и позволительны при демократии. Это одно из достижений самой демократии.

Дело в том, под какими лозунгами выходили люди: «Нам нужны школы и больницы, а не помпезные стадионы». Эти протесты начались еще в 2013 г., а к началу того года расходы федерального бразильского правительства на образование и медицинское обслуживание во много раз превосходили расходы на подготовку и проведение футбольного чемпионата.

Медведев. В 22 раза, что ли, как сказала Дилма Руссефф перед началом чемпионата.

Травкин. Немного меньше, но разница довольно большая. Почему люди протестуют? Потому что они почувствовали, что можно что-то получить, можно добиваться своих целей, в том числе и материальных, но хочется-то побыстрее. Сейчас эти протесты несколько уменьшились, но они будут продолжаться.

Медведев. Этот уличный протест — часть бразильской политической культуры? Может, это как-то связано с карнавалом, с тем, что люди привыкли так выражать себя?

Травкин. Выражение своего мнения на улицах и площадях — это традиция. Но одно дело соревнование между школами самбы, очень красивого танца, который нам всем известен, другое — социальный протест. В истории Бразилии были похожие события. Тот же Престес, о котором я говорил, лидер компартии, в 30-е годы был мятежным военным, «Колонна Престеса» прошла по всей Бразилии, завоевывая города, борясь с гарнизонами верной правительству армии. Протесты выражались по-разному, даже вооруженным путем, но потом это было подавлено силой. Но вот что важно: нынешняя Бразилия нашла, нащупала, на мой взгляд, очень правильный путь не только внутри страны, но и на международной арене.

Если говорить о футбольных чемпионатах, то надо отметить, что бразильцы с трудом пережили национальную «трагедию» в 1950 г., когда проходил первый чемпионат мира в их стране и когда в финальном матче они проиграли маленькому соседнему Уругваю. Это было таким неприятным добавлением в тот комплекс неполноценности, как они сами его называют, «синдром дворняжки», который развивался в Бразилии, начиная с колониального периода. Дело в том, что его пытались преодолеть сверху все правители страны — и военные, и гражданские. Так вот сейчас такое впечатление, что желание преодолеть этот комплекс становится все более массовым, но не настолько массовым, чтобы это устраивало ту же Дилму Руссефф.

Медведев. Мне это удивительно напоминает комплекс неполноценности нации, который пытаются преодолеть сверху. Похоже на Россию? То же стремление, ощущение, может быть, какого-то враждебного внешнего мира?

Травкин. Да, Вы правильно отметили это сходство. Вопрос в том, что преодолеть этот комплекс, сделать шаг вперед можно, когда совпадают интересы тех, кто правит, и тех, кем правят. Мы это видели в XX в. в нашей стране, мы видели и то, что происходит, когда нет такого совпадения, это уже конец XX в. В Бразилии сейчас предпринимаются очень активные попытки преодолеть этот комплекс вместе, и это дает некоторые результаты. Но, конечно, не так все просто, не все так стерильно, и эти требования людей, которые стараются каким-то образом удовлетворить правительство левоцентристов, отражают еще и очень важный момент. Сейчас в Бразилии предвыборная полоса, в октябре пройдут всеобщие выборы.

Медведев. Там избираются одновременно и президент, и парламент?

Травкин. Да. И Дилма Руссефф выдвигается на второй срок.

Медведев. У них по Конституции два президентских срока?

Травкин. Да. И пока у нее довольно хорошие шансы. По рейтингу она превосходит ближайших трех своих конкурентов, но этот рейтинг падает

из-за протестов, и много зависит от того, как пройдет чемпионат, насколько организационно, настолько успешным он будет для страны в спортивном плане.

Медведев. Ну, да, если Бразилия выиграет, то это, конечно, поможет властям.

Травкин. Это будет в плюс, если нет — то нет. Сейчас бразильцы вспоминают те времена, когда после того, как в 1950 г. при военном правительстве президентом был маршал авиации Эурику Гаспар Дутра, тот самый, который возглавлял бразильский экспедиционный корпус в Италии во время Второй мировой войны. После поражения Бразилии на чемпионате он ушел в небытие и больше не участвовал в политике вплоть до своей смерти в 1974 г. Вот что будет сейчас по сравнению с тем печальным 1950 г.? Но, конечно, не будем преувеличивать роль спортивных событий.

Медведев. И все же футбол в Бразилии действительно является одной из главных составляющих национального самосознания, и, насколько я понимаю, любой бразилец практически с пеленок начинает жонглировать мячом.

Травкин. Да, я об этом всегда думаю, когда вспоминаю о том, как я был в Сантосе — это крупнейший порт на побережье Атлантического океана, ворота в Латинскую Америку. Пеле как раз оттуда. С кем вообще нужно говорить о футболе? Конечно, с Пеле. Но кто он такой? У него профиль индейца, а цвет кожи негра. Помимо того, что он — гениальный футболист, он еще и очень образованный человек, говорит на многих языках, в том числе по-испански, и успешный бизнесмен.

Медведев. Вы говорите о Пеле, а я сижу и улыбаюсь: достаточно одного упоминания одного его имени, и невозможно сдержать улыбку.

Травкин. Это, что называется, естественная реакция организма.

Медведев. Да-да.

Травкин. Так вот, Пеле рекламировал «Café Pele» — это растворимый кофе, я был в Сан-Паулу в головном офисе фирмы, которая нам его продавала.

Медведев. Надо же: мне и в голову не приходило, что это связано с ним.

Травкин. Он был лицом этой компании.

Медведев. «Café Pele» — он же продается везде.

Травкин. Тогда, помимо вопросов о футболе, я спросил Пеле: «Вы, конечно, пьете черный кофе?». Бразилия — страна кофе, его аромат там везде, и когда говоришь «бразильский кофе», то начинаешь улыбаться так же, как, когда говоришь «Пеле».

Еще у Пеле очень хорошее чувство юмора. «Я раньше очень любил черный кофе, но с тех пор, как женился на белой женщине, предпочитаю кофе с молоком», — сказал он. Так что к вопросу о смеси крови, о том, что влияет на то, что происходит в Бразилии, — вот такую деталь надо помнить.

Медведев. А как бразильцы кофе пьют?

Травкин. С удовольствием.

Медведев. Это понятно. А как правильно заваривать кофе по-бразильски? У них кофе-машины, или они варят по-своему?

Травкин: Они варят традиционно. Сейчас, конечно, машины, и это уже другое дело. Бразильский кофе может сравниться только с кубинским. Кубинцы

говорят, что их кофе лучше, бразильцы, что — их. На мой взгляд, лучше всего кофе готовят итальянцы, но из бразильских зерен.

Медведев. Точно, из бразильских.

Травкин. Мелко-мелко молотый кофе насыпают в марлевый конус, мешочек, и через него пропускают пар. Сейчас это в некоторой степени заменяют кофе-машинами. Но бразильцы, помимо всего прочего, это — нация огромной культуры, не только кофейной и футбольной. Когда говоришь о Бразилии, невольно вспоминаешь такое имя, как Оскар Нимейер.

Медведев. Да, архитектура.

Травкин. В 2012 г. в возрасте 104 лет Нимейер скончался. Я беседовал с ним в его мастерской в Рио-де-Жанейро, когда ему было чуть больше 90. Тогда у меня был довольно длительный и увлекательный вояж в Бразилию. Нимейер в то время еще работал. Вы помните, что он построил на красной земле в центре Бразилии (если у нас чернозем, то у них — краснозем) столичный город с нуля. Вот так же, как Кардозу хотел построить экономическую Бразилию, Нимейер прославил архитектурную Бразилию. Это было довольно давно, но с тех пор...

Медведев. В 60-е годы, по-моему.

Травкин. Да.

Медведев. Тогда повсюду строили новые города, Корбюзье строил в Индии Чандигарх.

Травкин. Да-да, была такая интересная полоса.

Медведев. В Москве Калининский проспект...

Травкин. Ну, у кого что получается.

Медведев. Конструктивисты поработали над обликом современного мира.

Травкин. Мы тогда построили Калининский проспект на месте собачьей площадки.

Медведев: Нимейер кроме Бразилии еще много построил?

Травкин: Он продолжал работать вплоть до кончины. Я недавно был в Сен-Дени под Парижем, где Нимейер построил здание для коммунистической газеты «L'Humanité». Он сам был коммунистом. В Сен-Дени — древнейший собор, где теперь снова покоятся останки королей, выкинутые из могил еще во времена Французской революции. Рядом квартал, где стоит здание «L'Humanité». Оно заброшено, потому что у коммунистов сейчас нет денег. А современные жилые дома заселены арабами, африканцами — гастарбайтерами.

Медведев. Бразильский дух есть и в Париже...

Травкин. Думаю, что Нимейер не представлял себе, что его творения будут так использоваться.

Медведев. Мы говорим о прекрасной, далекой Бразилии, которая сейчас, конечно, нам гораздо ближе, потому что там проходит чемпионат мира по футболу. Но чемпионат закончится, а Бразилия останется, и останется этот великолепный феномен страны, которая буквально за пару десятилетий поднялась из третьего мира практически к первому.

Травкин. Приблизилась к первому. Но ей еще долго идти по этой лестнице.

Медведев. Мы начали говорить о том, какие в Бразилии удивительные урбанисты. Ведь там был еще знаменитый мэр города Куритибы. Не помню его имя. Он архитектор и, по-моему, тоже коммунист.

Травкин. К сожалению, ничего не могу об этом сказать, я там не был.

Медведев. Сейчас под рукой нет компьютера, я бы посмотрел. В свое время на телевидении я делал про него сюжет. Там было что-то фантастическое: буквально за один срок пребывания на посту мера из отстающего города он сделал некую городскую утопию. Всех пересадил на общественный транспорт, на велосипеды, построил удобные развязки, парковки. В общем, в Бразилии очень сильно развит урбанизм.

Травкин. И он имеет остро направленный социальный характер. Это относится не только к творчеству художников-урбанистов и архитекторов. Например, концепция Нимейера — создать город-друг. Это в значительной степени была утопия. Бразилиа — город в форме самолета, устремленного в будущее. Предполагалось, что в столице огромной современной страны не будет фавел, бедных кварталов, что все это будет построено для благополучных людей. Центр действительно прекрасный, там нет даже тротуаров: по идее все должны были ездить на машинах. Но на окраинах, к сожалению, все равно выросли фавелы, с которыми приходится бороться так же, как в традиционных местах их самочинного строительства в Рио-де-Жанейро.

Медведев. Это интересно. Действительно, мне кажется, что практически все фантазии урбанистов-конструктивистов 40-х, 50-х, 60-х годов так или иначе как бы поросли природой или людьми. Я вспоминаю Чандигарх в Индии, столицу Пенджаба, который строил Корбюзье. Как все было задумано: вот легкие, вот мозг, вот руки, вот артерии, а в результате все заросло тропическими растениями, лианами, между бетонными коробками бродят коровы.

Травкин. И Пенджаб — это яблоко раздора между Пакистаном и Индией.

Медведев. Да, Пенджаб, конечно, чуть более богатый, чем другие штаты, все-таки северная Индия, но вот Чандигарх — демонстрация полного провала конструктивистского урбанизма. И Бразилиа тоже с фавелами. Расскажите, это что — следствие ускоренной урбанизации, это, как наши слободские окраины?

Травкин. Конечно, это следствие ускоренной и не очень справедливой урбанизации, которая происходила в середине прошлого века, когда люди, не имеющие достаточных средств, чтобы приобрести нормальное жилье, строили себе картонные домики, лепили одно строение к другому. Это — в больших городах. Рио-де-Жанейро — прекрасный, красивый, очень хорошо расположенный город, с великолепными колониальными постройками, и со зданиями в духе конструктивизма и разных других стилей, которые процветали в XX в. Но он вдруг тоже зарос фавелами, как раковой опухолью. Это в общем-то страшные места, куда боялась заходить даже хорошо вооруженная военная полиция.

Медведев. По-моему, когда там нужно что-то сделать, туда захотят армейские подразделения на броневиках.

Травкин. Заходят, но выйти оттуда так, как хочется, получается далеко не всегда. В последнее время много сделано для того, чтобы привести жизнь в фавелах в более или менее нормальное состояние, но тут еще есть

много проблем. Это то самое место, где по-прежнему нужно бороться с голодом.

Медведев. Это до сих пор актуально?

Травкин. Да, голода, нищеты и бедности стало меньше, но они еще есть. С другой стороны, там тоже развиваются школы самбы, люди из фавел целый год копят, складывают ниточку к ниточке, тряпочку к тряпочке, шьют костюмы и радостно выходят на самбадром во время карнавала.

Медведев. Карнавал — главное событие года?

Травкин. Для кого-то — конечно... Во время интервью с Кардозу мы сказали ему, что хотели приехать в феврале. «Почему в феврале?», — спросили он. «Чтобы попасть на карнавал». И Кардозу без особого энтузиазма ответил: «Бразилия — это не только карнавал. Но без карнавала Бразилия — тоже не Бразилия».

Медведев. А карнавал проходит только в Рио или их много по всей стране?

Травкин. Самый большой — конечно, в Рио.

Медведев. И сколько времени он продолжается?

Травкин. Целую пасхальную неделю. Чуть больше, чуть меньше, в зависимости от обстоятельств. Но на это время жизнь просто останавливается, и вся страна пляшет и поет. Очень увлекательное зрелище, но в то же время это — и стойкий стереотип. Это, как мы — страна медведей, водки и матрешек. Хотя в жизни Бразилии карнавал, конечно, играет большую роль, чем матрешка в нашей жизни.

Медведев. И медведи у нас все-таки по улицам не ходят.

Травкин. Да. Вы сказали это с некоторым сожалением...

Медведев. Ну, да. Представилась такая экологическая утопия. Может, лучше и ходили бы.

Травкин. Пока ты не попал в его лапы — это хорошо.

Медведев. Может быть, какие-то дружелюбные медведи, не знаю. Я их близко видел на Севере, на Чукотке.

Возвращаясь к Бразилии... Карнавал ведь сильно стирает социальные различия. Скажем, на параде школ самбы могут быть люди из беднейших фавел и из элитных клубов.

Травкин. Абсолютно так. Вне зависимости от кошелька и уровня интеллектуального развития. Это то, что бразильцам очень нравится, и участие в карнавале — праздник для многих людей.

Медведев. То же самое, как и футбол, который доступен абсолютно всем. И в фавеле дети могут пинать мяч, и то же самое — в элитных школах.

Травкин. Совершенно верно. Очень много делается для того, чтобы эта игра была популярной и развивалась. В том же Сантосе и рядом с ним огромное количество футбольных полей. Не стадионов с трибунами, а именно полей, на которых можно играть, на которых мальчишки вроде Пеле играют прямо, как только начинают ходить. У бразильцев к этому есть какой-то особый талант.

Медведев. И на пляже Копакабана в Рио тоже играют, прямо на песке?

Травкин. Играют. Бразилия — туристическая страна, есть, что посмотреть. Интереснейший животный мир: разные птицы, анаконды плавают по

Амазонке. Чудесные пляжи. Я видел, как играют в футбол на пляже. Наша гостиница стояла буквально метрах в 200 от края воды.

Медведев: На Копакабане?

Травкин: На Копакабане.

Медведев. Это, по-моему, проспект Авенида-Атлантика, который идет вдоль берега океана?

Травкин. Совершенно верно. Нас предупреждали, и мы потом предупредили людей, которые с нами поехали: посматривайте за своими вещичками. Все покивали головами, потом вышли с пластиковыми пакетами и расположились на пляже. Бежит группка молодых людей, человек шесть. Играют, гонят мяч. Все прекрасно. Все обо всем забыли, стали смотреть на мяч. Потом оглянулись: пакетов, в одном из которых у одного из наших коллег был очень хороший фотоаппарат, не оказалось на месте. Так что футбол — это еще и очень «полезная» вещь для некоторых бразильцев.

Медведев. Да. Это как-то сочетается. Эта легкость и красота мне напоминает Рим. Я люблю Рим и жил там некоторое время, даже считаю себя в какой-то мере римлянином, но меня там три раза обчищали карманники.

Травкин. Да. Это такое явление, которое характерно для Бразилии, оно было и осталось, к сожалению. Там вообще довольно высокий уровень преступности.

Медведев. Но с другой стороны, Вы знаете, я сейчас в связи с чемпионатом смотрел много интересных репортажей. По-моему, в сюжете, показанном по «Euronews», речь шла о том, что для экстремального туризма открывают какие-то хостелы и гостиницы в фавелах. Гостей предупреждают о необходимости соблюдать меры безопасности и говорят: «Вы хотите пожить, как живут в фавелах? Вот, пожалуйста».

Травкин. Безусловно, это есть. Это щекочет кому-то нервы. Люди как-то страхуются. Но дело в том, что класть голову в пасть тигру могут только хорошо подготовленные дрессировщики.

Медведев. Там еще есть проблема наркотиков?

Травкин. И наркотики — проблема. Поделюсь еще одним личным впечатлением. Сан-Паулу — самый крупный город, локомотив прогресса. Это — город и штат, которые в индустриализации в модернизации страны играют огромную роль. Там офисы крупнейших компаний, в том числе фирмы «Café Pele». Так вот, мы выходим из этой фирмы, садимся в автомобиль, который любезно предоставил нам генеральный консул, едем по проспекту Объединенных наций. Я сижу сзади, за шофером. На одном из перекрестков, буквально в трех кварталах от этого офиса, в самом центре города, вдруг слышу, как что-то стучит в окно. Поворачиваю голову и вижу ствол крупнокалиберного пистолета. Парень, держащий пистолет, говорит: «Это нападение, давай денежки». Я тут же вспомнил, как шофер этого консула сказал нам, что на всякий случай лучше всегда носить с собой долларов 20, чтобы можно было откупиться от наркомана, которому нужно купить очередную дозу, иначе получишь дырку в голове. Шофер не стал откупаться. Он каким-то образом на красный свет, как говорится, «между струйками», удрал от этого парня, который сидел на заднем сидении скутера. Парень тоже не стал догонять, а ведь мог и догнать.

Это личное впечатление о том, как можно «развлечься» на улицах крупнейшего, богатейшего, известнейшего города, где чудесный университет, в котором 35 факультетов, где чего только нет, где профессора со всего мира, где получили образование многие лидеры государств, — и военные, и гражданские. Декан одного из факультетов, ее звали Мириам Красильщик — это человек, биография которого имела какое-то отношение к нашей стране. Вот, пожалуйста.

Медведев. Да, это, конечно, фантастические бразильские контрасты: с одной стороны — высокий уровень культуры и индустрии, а с другой — фавелы, бедность, преступность, социальный протест.

Травкин. Таков современный мир. Дело в том, что Бразилия — очень современная страна. Она впитывает в себя все хорошее, что можно впитать, и, к сожалению, сохраняет много плохого из прошлого, и эта борьба между добром и злом продолжается.

Медведев. И очень молодая и предприимчивая страна, как я понимаю. Опять-таки, сейчас вспоминаю всякие репортажи, которые я смотрел в связи с чемпионатом. Многие европейцы, в частности, португальцы и испанцы, едут в Бразилию открывать бизнес, поскольку в Европе сейчас рецессия.

Травкин. Совершенно верно. Это очень интересное явление. Если еще несколько лет назад была эмиграция из Латинской Америки в бывшие метрополии, то сейчас и Испания, и Португалия испытывают экономические сложности, и люди в поисках работы едут оттуда. Не только в Бразилию, но и в другие страны Латинской Америки, где, как считается, больше шансов добиться успеха или, по крайней мере, выжить. Это очень правильное наблюдение. И Бразилия тоже открыта всему миру, она одна из стран группы BRICS.

Еще один пример. Ночью, накануне того дня, когда должно было состояться интервью с президентом Кардозу, я вдруг обнаружил, что у меня закончилась фотопленка. Я грустно брожу по улице, и вдруг навстречу мне идет человек с репортерской сумкой на плече. Я спрашиваю его, где можно купить пленку. Ответ — уже нигде, потому что все магазины закрылись. И, выслушав мои стенания по этому поводу, он говорит: «Коллега, нет проблем. Возьми мою». И он не взял с меня никаких денег. Таковы бразильцы...

Медведев. Вы упомянули про BRICS.

Травкин. Да, на русский язык никак эту аббревиатуру не переложить. Ну, пусть будет BRICS. В этой группе ведь объединены очень интересные государства, у каждого из которых своя траектория развития. Лидер, безусловно, Китай. Это страна развивается быстрее всех, обладает огромным потенциалом не слишком дорогой рабочей силы, давними культурными традициями. Рядом идет Индия, которая по населению и по числу жителей приближается к Китаю и в которой тоже довольно дешевый труд, но труд интеллектуальный. Индийские программисты работают в лучших компаниях мира. Ну, про Россию я не буду говорить. Мы еще что-то сохранили, что-то развиваем.

Медведев. Знаете, Дмитрий Тренин, который был у нас в гостях, как-то сказал, что BRICS картавит в отношении буквы «Р».

Травкин. Букву «Р», скажем так, произносят не так четко и не так твердо, как хотелось бы.

Медведев. Да, как остальные...

Травкин. Это интересное замечание, хотя и несколько двусмысленное в том, что касается картавости. А Бразилия близка ко всем выше перечисленным государствам. У нее есть очень интересный южно-атлантический проект. Это страна, которая через Атлантику граничит с Африкой, причем не только с португалоязычной Африкой, где она довольно хорошо представлена. Во-первых, языковая и культурная связь.

Медведев. Ангола, Мозамбик.

Травкин. Да. Во-вторых, у них хорошо развита торговля с этими странами, начиная с того, что они поставляют, скажем, оружие. Бразильцы — производители оружия, бронемашин и т.д. Это характеризует развитие страны в промышленном и научно-техническом плане. Бразилия успешно торгует с Китаем. Бразильцы даже одно время считали, что китайцы будут, скажем так, сердечными союзниками.

Но китайцы — прагматичные ребята, и в Бразилии после некоторого периода эйфории от этих отношений с китайцами появился прагматический подход, потому что китайцы не хотят быть только покупателями бразильских товаров. Бразильцы стремятся продавать свои промышленные товары, китайцы хотят покупать в основном продовольствие. И китайцы наводняют своими товарами Бразилию, как и многие страны мира, включая Россию. В частности, одеждой, товарами широкого потребления.

И бразильцы с интересом на это смотрят, но принимают свои меры, понимая, что для того, чтобы быть независимым государством, нельзя ориентироваться на одни Соединенные Штаты, как это во многом было раньше.

Медведев. По итогам этого эфира я понимаю, что Бразилия — это, конечно, гораздо больше, чем футбол. Это — зрелое гражданское общество, которое осознает себя, умеет протестовать, это растущая экономика, это открытые, душевные люди, которые всегда могут подарить вам фото пленку. Спасибо, это была программа «Археология».